

Оглавление

Введение.....	7
Благодарности	11
К вопросу о транслитерации	14

Часть первая

Становящийся Солнцем

Глава 1	
Школьник	21
Глава 2	
Партизан	31
Глава 3	
Комбат	56
Глава 4	
Вождь	78

Часть вторая

Путь к независимой диктатуре

Глава 5	
Новая жизнь	95
Глава 6	
Ким Ир Сен и его война	134

Глава 7	
Враги вождя	159
Глава 8	
Победа над оппозицией	175
Глава 9	
Его прощальный поклон	190

Часть третья

Вондь-Отец и его подданные

Глава 10	
Подготовка ко второй Корейской войне.....	207
Глава 11	
Изоляция страны, набеги на Юг и идеи чучхе	216
Глава 12	
Страна вождя.....	231
Глава 13	
Товарищ генеральный секретарь и его наследник.....	262
Глава 14	
Мертвая рука Великого Вождя	300
Заключение	311
 Иллюстрации	 316
Хронология	337
Примечания.....	353
Предметно-именной указатель	423

Введение

Северная Корея — одно из самых закрытых обществ современного мира. С 1945 года этой страной правили члены одной семьи. Первым вождем КНДР был Ким Ир Сен, пришедший к власти через несколько месяцев после окончания Второй мировой войны. В 1994 году власть унаследовал его сын Ким Чен Ир, а когда сам Ким Чен Ир умер в 2011 году, новым правителем стал его сын Ким Чен Ын, внук Ким Ир Сена. В мировой истории нет другого примера наследственного режима, который правил бы страной настолько долго, сменив уже три поколения вождей, не будучи при этом монархией.

Скорее всего, читатели по крайней мере что-то слышали о Северной Корее. Эта страна регулярно появляется в новостях, чаще всего — в связи с ее успехами в разработке стратегического ракетно-ядерного вооружения. Немало известно и о повседневной жизни северокорейцев, на протяжении десятилетий живущих под неусыпным, всепроникающим государственным контролем — контролем, которому трудно найти аналоги в истории человечества.

Опасность, исходящая от северокорейского ядерного оружия, остается скорее предметом международных опасений, чем неминуемой угрозой. А вот жизнь более чем двадцати миллионов человек, чья судьба — родиться и вырасти в условиях тоталитарного государства, — это суровая и неоспоримая реальность. Эту реальность создал Ким Ир Сен — основатель династии, стоящей у руля Северной Кореи до сих пор.

Нельзя сказать, что Северная Корея не изменилась за десятилетия после его смерти в 1994 году. Северокорейская экономика ныне намного ближе к рыночному укладу, чем когда бы то ни было при Ким Ир Сене. Но во многих других сферах жизни и сейчас, когда я пишу эти строки, Северная Корея остается такой же, какой ее сделал основатель. Страна находится под тотальным контролем правящего режима; практически всем ее гражданам запрещен доступ в интернет. Все легальные потоки информации, поступающие в Северную Корею, подвергаются строгой цензуре. Границы закрыты, выехать из страны нельзя без особого разрешения. Все граждане должны показывать свою любовь и верность правящему семейству, иначе их ждет срок в тюрьме или лагере, а подчас и смертная казнь. Вся эта система была построена Ким Ир Сеном.

Уже несколько поколений сменилось с тех пор, как Ким Ир Сен пришел к власти в 1945 году. Большая часть жителей Северной Кореи не видела другой жизни — жизни не под властью Кима и его потомков.

Кто был этот человек — главный архитектор одного из самых стабильных диктаторских режимов нашей эпохи, режима, пережившего крах социалистического лагеря и отвергнувшего китайский путь реформ и открытости? Человек, сохранявший у себя в стране сталинскую систему десятилетия после Сталина и усиливший ее до такой степени, какую СССР

никогда не знал? Человек, которого и сегодня почитают почти как живого бога в стране, которой правит его внук?

О раннем периоде в биографии Ким Ир Сена, то есть о периоде до его прихода к власти в 1945 году, сведений довольно мало. Ведь тогда Ким Ир Сен не был известным человеком. Он родился в колониальной Корее в зажиточной семье школьного учителя. Семья Ким переехала в Маньчжурию, где в начале 1930-х годов он вступил в Коммунистическую партию Китая и возглавил партизанский отряд. В 1940 году он бежал в СССР и позднее служил в рядах Красной армии в звании капитана. И наконец, в 1945-м его судьба повернулась совсем необычно: он, младший офицер РККА, внезапно оказался во главе зарождающегося северокорейского государства.

Здесь стоит отметить и то, что в последующие годы северокорейские власти произвели на свет множество публикаций о ранних годах жизни Ким Ир Сена, и его официальная биография, отраженная в этих книгах, имела довольно слабую связь с его настоящей биографией. Целью официальной пропаганды КНДР было показать, что Ким Ир Сен с раннего детства был величайшим из вождей и что это его партизаны, а не советские войска разгромили Японскую империю в Корее и Маньчжурии в 1945 году. К сожалению, в условиях хронической нехватки источников научное сообщество начало относиться к этим произведениям с большим доверием, чем следовало бы. Увы, зачастую определить, что в официальных публикациях КНДР — правда, а что — очередная выдумка идеологов, бывает непросто.

Писать о биографии Ким Ир Сена — правителя Северной Кореи — тоже не так легко. Конечно, по этому периоду существует множество документов, но почти все они лежат в архивах КНДР, скрытые от внешнего мира за семью

печатами. Поэтому историку наших дней приходится опираться на немногочисленные утечки северокорейских документов и информацию из соседних стран — Южной Кореи, Китая и СССР/России.

Эту книгу ни в коей мере нельзя считать окончательной или всеобъемлющей биографией первого северокорейского вождя. Несомненно, когда КНДР фундаментально изменится — или прекратит существовать, — будущие историки расскажут людям тех времен много нового о Ким Ир Сене. Но пока никто не знает, когда это случится, и в этой книге я попытался собрать то, что мы знаем о первом вожде КНДР, используя информацию, которая доступна сейчас, на корейском, русском, английском, китайском, японском и ряде других языков. Русское издание этой книги выходит после корейского, опубликованного в 2022 году, и английского, вышедшего в начале 2025-го, и поэтому закономерно является наиболее точным из них: я смог исправить ошибки, которые были замечены как читателями, так и мной в двух предыдущих версиях.

Я надеюсь, что эта книга будет интересна читателям нашей эпохи и что определенная польза от моей работы сохранится, когда мы увидим Корею после Кимов. Так ли это будет на самом деле — судить вам, дорогие читатели.

Благодарности

Прежде всего я хотел бы поблагодарить моего отца Константина Тertiцкого, на помощь, советы и поддержку которого я всегда мог положиться при работе над этой книгой, а также мою маму Марину Филипенко и сестру Анну Тertiцкую.

Особую благодарность я бы хотел выразить своей коллеге Наталье Матвеевой. В свое время именно она подала мне идею написать эту книгу, а при работе над рукописью мне очень пригодились и советы Натальи, и ее глубокие познания в северокорейской экономической истории.

Книга, которую вы держите в руках, была выпущена издательством «Альпина нон-фикшн». Хочу выразить искреннюю благодарность как всему издательству в целом, так и его сотрудникам: Юлии Гаевской, Наталье Нарциссовой и Александре Шуваловой. Мое сотрудничество с «Альпиной» было исключительно приятным, и я рекомендую это замечательное издательство всем авторам научно-популярной литературы на русском языке. Особую благодарность хочу выразить редакторам книги Александру Соловьеву и Павлу Рудневу, вложившим немало своего труда в доработку текста.

Работы Андрея Ланькова в свое время привели меня в корееведение. На протяжении многих лет он помогал мне словом и делом — как в работе над книгой, так и во многих других проектах.

Питер Уорд — мой лучший друг, с которым мы знакомы уже почти полтора десятка лет, — прочел черновик книги перед публикацией; его советы сделали ее значительно лучше.

Огромную помощь автору этих строк оказал автор блога *botw.egloos.com* (Южная Корея); в работе над первой частью она была просто неоценимой. Однако этот человек попросил меня сохранить его анонимность, и поэтому я не называю его имени.

Я очень благодарен Шиле Миёси Ягер, одному из ведущих историков Корейской войны, и ее мужу Джиюлю Киму, историку и полковнику армии США в отставке, за их советы по шестой главе книги, посвященной этой войне.

Рукопись книги прочитали Пак Хэнун, советник южно-корейского издательства «Хануль», и мой друг Анастасия Гой. Их советы помогли автору значительно ее улучшить.

Своими уникальными свидетельствами с автором этих строк поделились Юрий Кан, живший в КНДР в 1940-х годах неподалеку от дома Ким Ир Сена, Дмитрий Капустин, работавший в советском посольстве в КНДР в конце 1960-х, Эдриан Бузо, работавший в посольстве Австралии в Пхеньяне десятилетием позже, Антон Беблер, участвовавший в приеме Ким Ир Сена в Югославии в 1975 году, Ан Чханиль, бежавший из Северной Кореи в 1979-м, и Ким Ёнхван, встречавшийся с Ким Ир Сеном в 1991 году. Я очень благодарен им за их интервью.

Кроме того, я хотел бы высказать мою благодарность Владимиру Дорохову, Ё Хёнчжуну, Ки Квансо, Ким Соён, Борису Канторовичу, Анастасии Королевой, Таисии

Лаптевой, Ли Миён, Брайену Майерсу, Оливеру Машетеру, Пак Чханпхё, Балажу Салонтаю, Игорю Селиванову, Елизавете Семеновой, Алеку Сигли, Татьяне Федоровой, Нику Хольту, Оливеру Хотхэму, Чон Сончжану и Чхве Хёнчжуну за помощь в написании книги.

Из всех архивов, в которых я собирал материалы, самыми открытыми для исследователей и приятными для работы были южнокорейский Архив Комитета по компиляции национальной истории и Российский государственный архив новейшей истории. Я бы хотел выразить свою признательность их сотрудникам и руководству.

К вопросу о транслитерации

При написании любой книги об истории Северной Кореи на русском языке автор с неизбежностью сталкивается с проблемой транслитерации. Если в русскоязычной японистике общепринятым стандартом является система Поливанова, а китаистике — «новая» система Палладия Кафарова, то в корееведении ситуация куда сложнее.

В отличие от Китая и Японии, почти всю первую половину XX века Корея не была суверенной страной. Это привело к тому, что корееведения как особой дисциплины в России и, позднее, в СССР тогда почти не существовало, корейский язык преподавался в очень ограниченном масштабе и Кореей занимались почти исключительно советские корейцы, которые записывали корейские имена и названия в соответствии с привычным им диалектным произношением. Диалект этот сильно отличается от нормативного корейского языка: например, имя корейского писателя Чхве Сохэ по этой записи писалось как Цой Се Хя. От тех же времен пошла и странная традиция разбивать корейские имена на два слова, хотя, если задуматься, записывать, например,

имя первого южнокорейского президента как Ли Сын Ман не менее странно, чем писать Маяковский Влади Мир. Поэтому в большинстве современных корееведческих работ имена пишут слитно (тут надо заметить, что в восточно-азиатских именах фамилия предшествует личному имени).

Наконец, и в современной научной транскрипции существуют свои подварианты — «петербургская» система Холодовича и «московская» система Концевича. Хотя отличаются они немногим, ученые не смогли прийти к единому стандарту. Решение о том, какой системой из двух пользоваться, по сути, является чисто вкусовым, и автор этих строк выбрал систему Холодовича (на мой взгляд, она несколько ближе к тому, как корейские слова произносятся сами корейцы). При этом имена трех членов правящей северокорейской династии — Ким Ир Сена, Ким Чен Ира и Ким Чен Ына — я оставил в традиционном написании. (Отмечу для интересующихся, что в «правильной» транслитерации они были бы Ким Ильсон, Ким Чжониль и Ким Чжонын соответственно.)

Второй проблемой является то, что на протяжении десятилетий при ссылках на источники на языках с нестандартной (не латинской и не кириллической) письменностью от автора требовалось, чтобы они записывались не в родном письме, а в транслитерации. Вызвано это было в первую очередь техническими проблемами: сначала сложностями с набором текстов восточными шрифтами в типографии, а потом несовершенством компьютерных программ, когда до середины нулевых годов восточноазиатские шрифты могли не отображаться на экране компьютера либо при печати файла на принтере.

Эти проблемы окончательно ушли в прошлое еще с появлением Windows Vista, но, увы, сила традиции приводила к тому, что транслитерированные сноски оставались нормой

на протяжении многих последующих лет. Между тем такие сноски — вещь довольно неудобная. Если, условно, в ссылке на газетное сообщение «Сформирован новый состав кабинета министров товарища Ким Ир Сена» вставить фразу не корейским алфавитом, а кириллицей (*Ким Ильсон тон-чжи-эге сэ нэгак чочжик-ыль виим*), то особой пользы от этого не будет никому. Для не знающего корейский читателя такая фраза будет бессмысленной какофонией, а знающему корейский потребуются лишнее время и силы на то, чтобы восстановить в голове эту фразу, написанную «родным» корейским письмом, тем более что кириллическая запись отражает не все нюансы корейской орфографии.

К счастью, в отношении оформления сносок Россия действует более прогрессивно, чем страны англоязычного мира, и в отечественных книгах постепенно избавляются от транслитерации в примечаниях. Автор этих строк рад приложить руку к столь замечательной тенденции, и поэтому в этой книге все сноски приводятся в оригинальном написании, русским переводом снабжены только ссылки на азиатских языках.

И наконец, еще один стилистический вопрос заключается в том, транслитерировать или переводить иностранные термины, то есть, например, писать ли «инминбан» или «народная группа»? Автор этих строк — сторонник второго подхода. Ведь когда кореец слышит слово «инминбан», он воспринимает его не как набор звуков, а как значимое слово, так же как россиянин, услышавший словосочетание «народная группа», поэтому для точной передачи значения перевод подходит намного лучше.

Вообще иногда транслитерация даже используется для того, чтобы скрыть изначальное значение слова. Классический пример — слово «хунвейбин», которое вообще-то значит «красногвардеец»: понятно, что в годы советско-китайского

раскола «Правде» было как-то не с руки писать о «погромах бесчинствующих красногвардейцев».

Автор же этих строк, напротив, ставит своей целью отразить северокорейскую действительность как можно более объективно, поэтому северокорейские термины в книге приводятся в переводе: «происхождение», а не «чхульсинсонбун», «центр перевоспитания», а не «кёхвасо», «религия Небесного пути», а не «Чхондогё» и т. д. Исключение сделано для официального названия северокорейской идеологии — чучхе. Как увидят читатели, в Северной Корее это слово со временем превратилось в такое же бессодержательное звукосочетание, каким оно стало в русском языке.

Часть первая
**Становящийся
Солнцем**

Глава 1

Школьник

Корея начала XX века была одним из самых архаичных и замкнутых государств на нашей планете. Страна находилась в состоянии экономической, культурной и политической стагнации. Главной причиной этого была государственная идеология, которой придерживалась корейская правящая элита. Такой идеологией было неоконфуцианство — доктрина, объявляющая Китай начала первого тысячелетия до нашей эры государством с идеальным общественным строем. Многие десятилетия корейские неоконфуцианцы с усердием, достойным лучшего применения, отвергали почти все попытки инноваций, как технологических, так и социальных. Подобная реакционная идеология неизбежно обрекала страну на крах.

Крах этот произошел в 1910 году, за два года до рождения героя нашего повествования, когда корейское государство исчезло с политической карты мира. Страна была официально аннексирована соседкой — Японской империей — в качестве колонии. Правящая династия была смещена, ей на смену пришел генерал-губернатор, назначаемый из Токио.

В первые годы японского правления Корея переживала поистине тектонические изменения, сравнимые разве что с петровскими временами в России. Тэраути Масатакэ, первый генерал-губернатор Кореи, проводил курс на модернизацию колонии, и проводил его железной рукой,

не считаясь с мнением местных жителей. Такая позиция была совершенно естественной для крупного японского чиновника тех лет: как и для многих других колонизаторов, для японцев Корея была отсталой, неразвитой страной, которой надлежало нести свет японской цивилизации — ведь тогдашняя Япония была единственной азиатской страной, принятой в клуб великих держав, и считала себя носителем прогресса.

Многие из перемен, принесенных японцами, остались с корейцами навсегда, став частью местной культуры. Генерал-губернаторство упразднило старую конфуцианскую систему образования и заменило ее школами современного типа. Оно ввело в Корею современную систему бюрократии и документооборота. Японцы широко внедряли в колонии правила гигиены, что приводило к снижению детской смертности и росту продолжительности жизни корейцев.

Прошло полтора года после аннексии Кореи. Нельзя сказать, что понедельник 15 апреля 1912 года был совсем уж обычным днем. В этот день затонул «Титаник», и новости о катастрофе разнеслись по всему миру. Но то, что произошло тогда в Корее, оказало в итоге куда более серьезное влияние на мировую историю и стоило жизни намного большему числу людей, чем трагическая судьба британского лайнера.

В этот день у Ким Хёнчжика, учителя-корейца, тесно связанного с местной протестантской церковью, родился сын¹. Его назвали Сончжу — «Опора святых». Ким Хёнчжику исполнилось восемнадцать лет, это был его первый родной сын.

Сончжу родился в Чхильголе*; если перевести это название с корейского, то буквально получится «Седьмая

* Чхильголь — это название деревни на корейском языке. Тут стоит заметить, что в то время на русском и многих других европейских языках названия корейских населенных пунктов записывались по японскому чтению составляющих их иероглифов. Иными словами, офи-

долина»². Формально Чхильголь считался частью Пхень-яна — второго по значимости города Кореи, но на деле это, конечно, был не городской район, а обычная корейская деревня с домами с соломенной крышей.

Сончжу был первым родным сыном Ким Хёнчжика. На год старше его был Рёнхо — мальчик, потерявший своих родителей и ставший, по сути, приемным сыном в этой семье*. Два младших брата Сончжу — Чхольчжу и Ёнчжу — родились, по официальным северокорейским данным, в 1916 и 1920 годах соответственно.

Судьбы братьев в итоге сложились по-разному. Через много лет Чхольчжу был арестован японцами и, видимо, умер в заключении. Ёнчжу стал крупным северокорейским чиновником. О судьбе Рёнхо ничего не известно, и никаких записей о нем не осталось. И наконец, Сончжу, приняв новое имя Ким Ир Сен, стал первым вождем Северной Кореи, которой он правил 49 лет — с 1945 по 1994 год.

циальный адрес родины Ким Ир Сена на момент его рождения был следующим: «Японская империя, Корея, провинция Южная Хэйан, Хэйдзё, округ Рёдзан, Ситасато, Нанатани». Однако эти названия практически вышли из употребления после 1945 года, и для удобства читателей здесь и далее в основном тексте книги автор использовал корейские названия и в тех случаях, когда речь шла о колониальной Корее.

* Подтверждение тому, что у Ким Ир Сена был брат Рёнхо, можно найти в северокорейских книгах, опубликованных в начале 1960-х годов. См. 강호순. 노을 비끼 만경봉 [Закатный свет над Мангёнским пиком]. 평양 [Пхеньян]: 조선 사회주의 노동 청년 동맹 출판사 [Издательство Союза социалистической рабочей молодежи Кореи], 1964. С. 1; 항일 무장 투쟁 사적지를 찾아서 [По местам вооруженной борьбы с Японией]. 평양 [Пхеньян]: 조선로동당 출판사 [Издательство Трудовой партии Кореи], 1963. С. 10; 기자 작품집 5호 [Собрание сочинений журналистов. Т. 5]. 평양 [Пхеньян]: 조선 기자 동맹 중앙 위원회 [ЦК Союза журналистов Кореи], 1963. С. 435. В последующем все упоминания о нем были стерты из официальной историографии.

Достоверных сведений о его семье совсем мало. Конечно, после прихода к руководству страной Ким Ир Сена власти КНДР опубликовали множество книг о «несгибаемом борце Ким Хёнчжике», но ценность этих рассказов, написанных в условиях строжайшей цензуры, довольно сомнительна. Как увидят читатели, в Северной Корее государственная историография имеет слабое отношение к реальной истории. Возможно, единственная часть официальной биографии первого вождя КНДР, которую можно принять на веру без дополнительной проверки, — это имя матери Ким Сончжу; вряд ли бы его стали подделывать. Ее звали Кан Бансок.

Существуют воспоминания преподавателя университета Ёнсе Ким Хёнсока о том, каким ребенком был Сончжу. Профессор был родом из тех же краев, что и Ким Сончжу, но родился на восемь лет позже будущего вождя, и встречался с ним — уже Ким Ир Сеном — в середине 1940-х. В детстве Ким Хёнсок слышал немало рассказов о семье Ким Хёнчжика и о его детях. Он уверял, что Сончжу помнили как активного, спортивного ребенка-заводилу; когда местные дети играли в футбол, капитаном команды выбирали именно его. Впрочем, стоит учитывать, что, когда профессор Ким рассказывал об этом, ему было около ста лет, а человеческая память — штука ненадежная³.

В то же время уже из того факта, что молодой Ким Сончжу рос в протестантской семье провинциальных корейских интеллигентов, мы можем сделать определенные предположения об атмосфере в доме. В 1910 годах христианство в Корее — и католичество, и протестантизм — имело довольно четкие прозападные коннотации. Эту религию принесли миссионеры, в большинстве своем они были не в восторге от того, что Корея оказалась под властью синтоистской Японии. Поэтому в те годы

большинство корейских христиан не испытывали симпатий к генерал-губернаторству.

Как могла сложиться судьба юноши, родившегося в такой семье, как семья Ким Хёнчжика и Кан Бансок? Скорее всего, он получил бы неплохое образование, по отношению к японским властям был бы скорее оппозиционером, чем лоялистом, и вместе с тем достаточно открытым к новым западным веяниям. Как увидят читатели, судьба Ким Сончжу сложилась именно так.

Много позже Северная Корея объявила официальной родиной Ким Ир Сена деревню Мангёндэ, расположенную неподалеку от Чхильголя. Однако по ряду свидетельств будущий Великий Вождь родился именно в Чхильголе⁴. Дом в Мангёндэ, который в КНДР называют «колыбелью революции», — на самом деле не дом, где родился Ким Ир Сен, а дом родителей Ким Хёнчжика. Да, в какой-то степени это действительно был «дом Ким Ир Сена» — ведь в юности Сончжу провел в нем немало времени, но родился он не там. Чтобы родить своего первенца, Кан Бансок на время переехала в хорошо знакомый ей дом своих родителей; это был вполне естественный выбор для женщины, рожающей в первый раз. Скорее всего, чхильгольский дом просто не сохранился до создания КНДР — ведь ни Ким Хёнчжик, ни Кан Бансок не дожили до этого времени, — и потому северокорейские власти объявили родным домом вождя тот дом, где он провел свое детство.

Когда Сончжу было четыре года, Токио назначил в Корею следующего, второго генерал-губернатора. Новый хозяин Кореи — Хасэгава Ёсимити — был жестоким человеком. Когда-то он был начальником военного гарнизона в Корее и в этом качестве запомнился постоянными просьбами к начальству дать добро на совершение карательных экспедиций в корейские деревни⁵. В отличие от своего

предшественника Тэраути Масатакэ, Хасэгава реформ в Корее не проводил. Своей задачей он считал поддерживать в колонии порядок, который насаждала жандармерия генерал-губернаторства⁶.

Политика нового генерал-губернатора привела к тому, что в марте 1919 года в Корее вспыхнуло восстание против японских властей. Совершенно не ожидавший подобных событий Хасэгава опасался, что это может ударить по международной репутации Японии. Официальная пресса генерал-губернаторства стала уверять иностранцев, что «средний кореец — это тот еще врун» и доверять тому, что говорят корейцы, ни в коем случае нельзя⁷.

В историю это восстание вошло как Движение 1 марта: названо оно было по тому дню, когда достигло своего пика. Как свидетельствуют документы японской администрации, Ким Хёнчжик принял в нем самое активное участие⁸. Губернатор Хасэгава ответил на восстание старым, проверенным способом — он мобилизовал части жандармерии и приказал им подавить мятеж. Силы были неравны, и колониальная администрация вышла из противостояния победительницей. Чтобы не попасть под репрессии, Ким Хёнчжик и Кан Бансок решили покинуть Корею. В мае 1919 года они перебрались в Китай и поселились в местечке Бадаогоу, неподалеку от корейской границы⁹.

Здесь следует заметить, что Китаем это место можно было называть очень условно, так как после падения империи Цин в 1912 году страна переживала период раздробленности. На территории бывшей империи функционировали два правительства — северное, находившееся в Бэйпине (ныне Пекин), и южное. Каждое из них заявляло о претензиях на весь Китай. При этом власть ни одного из них не распространялась на значительную часть Китая — на местах правили различные полувоенные-полубандитские

группировки. Территории, которые они контролировали, были де-факто независимы.

Одним из таких регионов была и расположенная рядом с Кореей Маньчжурия. Ее «хозяином» стал Чжан Цзолинь — бывший крупный бандит, сумевший захватить власть в провинции в 1916 году. Он воспользовался хаосом, в который погрузился Китай после революции, свергнувшей империю Цин*.

В Маньчжурии Чжан Цзолиня не существовало понятия гражданства и пограничного контроля, по крайней мере в современном смысле этих терминов. Граница с Японской империей была де-факто открытой. Если кто-то хотел поселиться в Маньчжурии, при этом был готов не нарушать порядка, не выступать против властей и исправно платить налоги Чжан Цзолиню и его подручным, то маньчжурские власти с удовольствием принимали таких поселенцев.

Так поступил и Ким Хёнчжик. Стоит заметить, что, хотя позже в КНДР утверждали противоположное, его семья, осевшая в Маньчжурии, была довольно зажиточной. По японским оценкам, накопления Кимов на 1925 год составляли 1000 иен¹⁰, то есть немного больше среднего двухгодичного дохода в Маньчжурии тех лет^{**}.

* О Чжан Цзолине можно прочитать, например, в этой книге: Chi Man Kwong. *War and Geopolitics in Interwar Manchuria: Zhang Zuolin and the Fengtian Clique during the Northern Expedition*. Leiden: Brill, 2017.

** Средний доход в Маньчжурии тех лет составлял примерно 16 серебряных долларов в год, а курс обмена был примерно 2,44 иены за доллар. См.: Allen R. C. et al. *Wages, Prices, and Living Standards in China, 1738–1925: in Comparison with Europe, Japan and India* // London School of Economics, July 2009. <http://eprints.lse.ac.uk/27871/1/WP123.pdf> и “Exchange Rates Between the United States Dollar and Forty-one Currencies,” “MeasuringWorth”. <https://www.measuringworth.com/datasets/exchangeglobal/>

Движение 1 марта в Корее произошло всего через несколько месяцев после завершения Первой мировой войны — войны, в которой Япония оказалась в числе победителей. После окончания боевых действий весь мир надеялся, что теперь, в новую историческую эпоху, планета станет лучше, а прошлое навсегда осталось позади. Затронули эти настроения и Японию. Неудивительно, что в такой ситуации меры губернатора Хасэгавы не вызвали поддержки в метрополии. Правительство предъявило ему ультиматум — добровольно уйти в отставку или быть отстраненным от должности. Губернатор предпочел первый вариант, и его жестокое правление наконец-то подошло к концу.

Преемником Хасэгавы стал отставной адмирал Сайто Макото. В Японии флот славился более либеральными настроениями, чем армия, и назначение губернатором адмирала оказалось компромиссным решением*.

Сайто радикально изменил политику в колонии. Он отменил сегрегацию в школах, дал христианам свободу вероисповедания, сократил цензуру до минимальной, разрешив критиковать колониальную власть в прессе, поощрял развитие корейского бизнеса и, несмотря на большие сомнения в Токио, открыл в Корее первый в ее истории университет западного типа.

Корейцы хорошо помнили нищую жизнь доколониальных времен, и такая политика Сайто смогла переманить многих на сторону Японии. Экономика Кореи росла довольно быстрыми темпами, к корейцам теперь относились

* События, приведшие к назначению Сайто на пост генерал-губернатора, подробно описаны в замечательной книге южнокорейской исследовательницы Чон Сансук. 전상숙 [Чон Сансук], 조선 총독 정치 연구 [Генерал-губернаторы Кореи и их политика]. 파주 [Пхачжу]: 지식 산업사 [Чисик санопа], 2012. С. 127–131.

с бóльшим уважением, чем в 1910-х, и многие жители колонии решили, что можно пожить и при японцах.

Но, в отличие от многих, Ким Хёнчжик лоялистом не стал. Он, как и значительная часть корейской интеллигенции, по-прежнему не доверял Японии, и поэтому семья Ким осталась в Маньчжурии. Согласно официальным биографиям Ким Ир Сена, он сначала ходил в начальную школу в Бадаогоу, потом вернулся в Корею и ходил в Чхандокскую начальную школу в Пхеньяне и потом снова вернулся в Маньчжурию и ходил там сперва в Фусунскую начальную, а затем в Хвасонскую среднюю школу*.

Вряд ли получится проверить все эти утверждения — школьные записи и документы не пережили всех перипетий XX века. Поэтому, возможно, нам следует сосредоточиться на следующем этапе жизни Ким Сончжу, о котором остались документы. Речь идет о его последней по счету школе — Ювэньской средней, расположенной в городе Цзилинь в одноименной провинции. Ким Сончжу поступил в первый «И» класс, что примерно соответствует российскому пятому «Б»¹¹.

Название китайской школы Ювэнь дословно переводится как «возращивание культуры». Ювэньская школа была основана в 1917 году группой китайских интеллигентов из Тяньцзиня, то есть на момент поступления Сончжу школе было около десяти лет¹². Конечно, в те времена никто не знал, что ее самым знаменитым выпускником станет именно юный Ким Сончжу.

Таким образом, о детстве нашего героя известно не слишком много. Однако можно обратить внимание, что его судьба

* В частности, эти утверждения были отражены в хронологической таблице, приведенной в конце классической биографии Ким Ир Сена, написанной Со Дэсуком. Dae-Sook Suh. Kim Il Sung: The North Korean Leader. New York: Columbia University Press, 1988. P. 333.

уже была довольно необычной. Ким Сончжу родился в зажиточной семье политаktivиста и, по крайней мере частично, получил свое образование за границей. С детства на него оказывали влияние и иностранная культура, и иностранные системы ценностей. Он жил в сильно политизированной среде и был окружен людьми, открытыми к западным идеям. Всё это оказало самое прямое влияние и на склад личности, и на невероятные повороты его судьбы.